

КОСТЮМ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОНЕ СОСЕДНИХ НАРОДОВ

ЯЦЕНКО С.А.

// Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции (Отв. ред. Е.А. Смагулов). Туркестан, 23-24 ноября 2006 г. Туркестан, 2006, с. 320-328.

http://www.formuseum.info/2007/09/05/jacenko_1.html

Джетыасарская культура существовала в низовьях Сырдарьи весьма долгое время (весь ранний железный век и начало средневековья до IX в. н.э.). Хотя она периодически впитывала в себя новые иноэтничные включения, несомненно, что ее этнокультурная основа в целом оказалась очень устойчивой: это культура родственной группы местных оседлых, преимущественно скотоводческих (в основе коневодческих) ираноязычных племен. Исследователи подчеркивают в течение всего существования джетыасарской культуры «необычайную традиционность и консерватизм при внешней архаичности всех черт материальной культуры» (Левина, 1996, с. 370). Благодаря этому консерватизму здесь вплоть до весьма поздних времен (возможно, позже, чем в остальном иранском мире?) сохранялся массовый призыв женщин в армию (воительницы стреляли из лука и использовали кинжалы).

Сохранившиеся остатки одежды «джетыасарцев» сегодня весьма неплохо изучены (см., прежде всего: Елкина, Левина, 1995; Левина, 1996, с. 205-221; рис. 106-120; Рапопорт, Неразик, Левина, 2000, с. 158, 161, 166; рис. 22-26; цв. илл. 49-50). Это, однако, не снимает многих вопросов, связанных с разграблением огромного большинства изученных могил (1) (и соответственно – фрагментарностью и смещением с первоначальных мест большинства костюмных остатков, и, стало быть, вероятностным характером многих выводов, сохранением именно наиболее бедных погребений со скромным костюмным декором). Поэтому не удастся в большинстве случаев судить о распространенности тех или иных выявленных форм. Не облегчают задачу исследователям относительно широкие датировки этих комплексов (и значит - невозможность во многих случаях уточнить последовательность захоронений в могильниках, понять, раньше или позже бытовали здесь те или иные костюмные элементы, чем в соседних странах древности). Еще одной проблемой являются обширные лакуны в наших сведениях по большинству периодов древней истории костюма основных ираноязычных соседей «джетыасарцев», за исключением лишь хорезмийцев (Яценко, 2004, с. 99-105). К сожалению, ткани и кожа изучены, прежде всего, на материале одной группы могильников - Джетыасар 4.

Методологической и фактологической базой для анализа и сопоставления джетыасарских костюмных реалий с соседями является данная нами комплексная характеристика истории развития одежды наиболее полно документированных в этом плане («эталонных») ираноязычных народов ахеменидо-скифского времени

(VII-VI – IV-III/II вв. до н.э.), парфяно-сарматского времени (IV-III/II вв. до н.э. – III-IV вв. н.э.), а также сасанидского и раннесредневекового (доисламского) времени (III-IV – VII-VIII вв. н.э.) и где рассматривается характер тюркизации их костюма в кон. VI – сер. VIII вв. (Яценко, 2006). Джетыясарские материалы в эту работу в виде отдельных параграфов не могли войти именно из-за их широких дат, фрагментарности вещей из разграбленных могил, а также свойственного этой культуре бытового консерватизма.

Многие аналогичные предметы костюма, документированы у ираноязычного населения Восточной Европы, и генетически явно связанные с Приаральем, датированы в более западных районах много точнее (2). Костюмными аксессуарами низовьев Сырдарьи (прежде всего, поясами и их деталями, изредка типами бус от ожерелий или нашивок платьев и рядом форм подвесок) в связи с их далекими западными и отчасти восточными аналогиями интересовались многие московские ученые (А.Н. Гертман, И.А. Аржанцева, В.Ю. Малашев, И.О. Гавритухин и др.). Однако отсутствие «узких» датировок не позволило этому интересу приобрести законченные формы. Большинство ученых, знакомых с западными аналогиями джетыясарским аксессуарам (пряжки, серьги) не сомневались в преобладании движения людей и особенно - вещей и идей для позднеантичного и раннесредневекового времени в направлении восток – запад (обычном в истории кочевых народов Евразии). Пожалуй, единственным исключением можно считать П.П. Азбелева, допускавшего миграции носителей средне- и позднесарматской традиции далеко в глубины Азии лишь на материалах отдельных типов поясных пряжек и серег (Азбелев, 1992, с. 212, 214). Достоверно же в Центральной Азии отмечаются только единичные формы костюмных аксессуаров западного происхождения (см., например: Яценко, Малашев, 2000, с. 239-240), а конкретно в джетыясарских памятниках – фибулы и пряжки нескольких типов, отдельные формы браслетов и бус.

Сказанное не мешает, однако, привести здесь несколько наблюдений, касающихся этого этнического костюмного комплекса. До этого участие автора в исследовании джетыясарского костюма было лишь эпизодическим (см., например, наши полевой чертеж и реконструкцию костюма девочки в известной могиле 3 кургана 27 некрополя Томпакасар 1984 г. с небольшой, но проблематичной корректировкой ее А.К. Елкиной: Левина, 1996, рис. 112; 113, 1; Рапопорт, Неразик, Левина, 2000, с. 162, рис. 22).

Вначале охарактеризуем наиболее очевидные особенности костюма «джетыясарцев», предполагаемые А.К. Елкиной на основе сохранившихся фрагментов, главным образом – мелких деталей его декора (см.: Левина, 1996, с. 207-216), с целым рядом наших дополнений и комментариев.

В сохранившихся на сегодня джетыясарских материалах самым массовым видом текстиля стал хлопок простой структуры. Однако при этом «неинтересные» шерстяные ткани (которые в условиях преобладания скотоводческого хозяйства неизбежно были наиболее популярными) А.К. Елкиной, к сожалению, вообще не анализировались: основное внимание исследовательница уделила дорогим и эффектным китайским и персидским шелкам (ср.: там же, с. 206). По ее мнению, хлопковые ткани были местного производства (эта версия о «хлопковом рае» на крайнем скотоводческом севере позднеантичной Средней Азии нуждается,

конечно, в дополнительных доказательствах). Вероятно, такие ткани на деле поставлялись непосредственными южными соседями с более развитым земледелием, т.к. они в начале средневековья достоверно преобладали в Хорезме (Неразик, 1966, с. 98) и, судя по находкам на горе Муг, в Согде (3). Они окрашивались лишь обычным для Средней Азии розовым красителем – сафлором.

Мужской костюм.

Вероятно, у мужчин преобладали недлинные нательные распашные рубахи (?) из тканей розового цвета. Верхней одеждой служили сходные по длине кафтаны из кожи обычных черного или коричневого цветов. Вероятно, верхние парадные кафтаны шились подчас из тонкого шелка, окрашенного в ярко-красный мареной. Эти одеяния опоясывались чаще всего кожаным поясом, и, в отличие от женщин, не застегивались пуговицами из разнообразных материалов. Края ворота и бортов отделялись полоской полихромного шелка, иногда кожаными аппликациями и еще реже – сплошной цветной вышивкой геометрическими узорами.

Из головных уборов мужчин пока предположительно реконструируется лишь войлочный колпак с отворотами внизу (вероятно, с металлическими пронизками и лунницами) и подчас с покрытием более дорогой тканью. Обувью «сильного пола» служили кожаные полусапожки с вышивкой геометрическими орнаментами; они, вероятно, стягивались у верхнего края ремешками с небольшими пряжками и парой бляшек-лунниц. На наборных поясах ранних типов неоднократно крепились по 100 сдвоенных округлых бляшек. В IV-VII вв. бытуют кожаные пояса с дополнительными свисающими ремнями для различных аксессуаров, которые порой имели тисненый узор поверхности (здесь могли сочетаться черный или красный цвета).

Женский костюм.

Женские одеяния украшались неизмеримо богаче, и поэтому они реконструируются более полно. Нижней одеждой взрослых женщин служило платье длиной до щиколоток с длинными (порой чуть ниже кистей) рукавами; последнее иногда украшалось стеклянным (чаще всего синим) бисером. Платье имело довольно глубокий вертикальный разрез ворота для кормления грудью, скрепленный, тремя (иногда от 1 до 5) уплощенными крупными бусинами; вероятно, часто этот ворот был невысоким стоячим, с застежкой на горле в виде небольшой металлической пластинки с инкрустацией. На груди металлические бляшки часто образовывали узоры в форме кругов и спиралей. Для тканей платьев, по сравнению с мужскими рубахами, могли варьироваться не один, а три оттенка красного (розовый, красный и карминный) при использовании, соответственно, сафлора, марены и червеца.

Верхние короткие (до бедер) распашные кафтаны шились чаще не из кожи, как у мужчин, а из различных тканей. На них несколькими рядами бронзовых и серебряных бляшек расшивались, наряду с воротом и бортами, также полы (что не характерно для мужских аналогов); декор мог быть также из вышивки многоцветной или красной нитью. Во II-IV вв. во многих погребениях отмечен

комплект из платья красного шелка и кафтана из хлопчатобумажной ткани, носившийся женщинами разных возрастов. Иногда (вероятно, в холодное время года) надевали и второй, кожаный кафтан (4) (он мог декорироваться полосками, треугольниками или ромбиками из золоченой кожи). Поверх кафтана иногда носилась, как нам кажется, своеобразная крестообразная пелерина с округленными концами, обшитая по краям двумя рядами бронзовых и серебряных бляшек (ср.: там же, рис. 115). Пока совершенно уникален тип кафтана, лучше всего сохранившийся в кургане 260 могильника Алтынасар 4м. Он был покрыт небольшими прямоугольниками и клиньями из кожи, орнаментированными рядами заштрихованных ромбов и полосами зигзага. Этот кафтан, крепившийся четырьмя пуговицами, имел покрытие рукавов в форме раздвоенного «ласточкина хвоста» и такой же свисающий ниже линии подола двойной клин на спинке (там же, рис. 117-118).

У женщин нет плащей-накидок, скрепленных на плече фибулой, как у согдийцев и тохаристанцев (возможно, такие накидки были, но крепились так, как это было у хорезмийцев II-III вв. н.э. – с помощью двух ленточек: Яценко, 2006, рис. 135, 28-29).

Женские головные уборы, невысокие и иногда с плоским верхом, шились из ткани (розовой хлопчатобумажной, красной шелковой). Они могли декорироваться так же, как кафтан (ряды бляшек по краю, золоченая кожа). По нижнему краю убора подчас крепилась либо лента из цветной ткани, либо ремешок / толстые нити с нанизанными бусами (в том числе деревянными) или металлическими подвесками-дисками. Известны случаи сплошной плотной расшивки поверхности бронзовыми бляшками. Бытовали и более высокие конические войлочные головные уборы, покрытые тканью (в том числе шелковой) или кожей. Они декорированы полосками шелка или золоченой кожи, а также рядами крупных бляшек в форме семилепестковых «ромашек» с подвесными дисками.

Шаровары женщин почти не украшались, т.к., вероятно, были видимо, почти скрыты длинным платьем. Лишь в единичных случаях по их нижнему краю (или по его разрезам?) шел ряд бронзовых бляшек. Женские пояса, в отличие от мужских, были чаще ткаными и не повязывались, а скреплялись спереди фибулой или пуговицей-«палочкой». Они обычно скрепляли не кафтан, а нижнее платье. К кожаным их образцам подвешивались т.н. называемые «косметические наборы» или кинжалы. Женщины обычно носили кожаные полусапожки черного, коричневого или красного цвета (иногда они войлочные и обшиты сверху кожей); они могли скрепляться ремнем с пряжкой у щиколоток или, как у мужчин, у верхнего края. Реже встречались высокие кожаные сапоги. Обувь декорирована аппликациями разноцветной кожи или полихромной вышивкой.

В целом получается, что основные акценты в костюме «джетыасарцев» были сделаны на ряды обшивки краев одежд металлическими бляшками, но обычно не золотыми, как это было распространено в остальном иранском мире, а скромными бронзовыми, редко – серебряными, как правило, в небольшом количестве (не более 100 штук) и чаще всего простейших форм (полушария). В редких случаях, когда женская одежда шилась из ярких полихромных шелков, хозяйка обходилась без бляшечно-бисерных обшивок. Ткани преобладали монохромные, с господством красного и розового цветов.

Постараемся определить, какое место занимает костюмный комплекс «джетыасарцев» в древнем иранском мире. По мнению Л.М. Левиной, аналогии ему имеются, прежде всего, у кочевых европейских сарматов, отчасти у юэчжей могильника Тиля-тепе в Бактрии (Рапопорт, Неразик, Левина, 2000, с. 165). К сожалению, она не аргументирует этот вывод, а лишь ссылается на несколько рисунков в популярных работах авторов, не занимавшихся особо древним костюмом; в то же время, специальные публикации по костюму сарматов и юэчжей-кушан автора этих строк ей остались совершенно неизвестными. В действительности картина выглядит много сложнее.

Довольно обширен перечень специфических сходжений в costume древних жителей «асаров» и юэчжей-кушан (здесь и ниже номера рисунков указываются по нашей монографии: Яценко, 2006). Таковы, в частности, женские головные уборы со сплошными рядами крупных бляшек в виде цветочных розеток (рис. 116; 123, 7); использование бляшек с подвесными дисками в женском costume, в том числе на головных уборах (рис. 117-118); крестовидные пелерины (рис. 121, 71; к раннему средневековью они заимствуются согдийцами: рис. 182, 35). С кушанами, видимо, связано происхождение раннесредневековых мужских нижних распашных рубах Тохаристана, в частности, в Балалык-тепе (Альбаум 1960, рис. 100, 102, 107). Распашные нательные мужские рубахи известны в данном регионе до этнографической современности (5). Для «джетыасарцев» очень характерно у женщин сочетание короткого кафтана с длинным нижним платьем. Из соседней оно бытует у пришедших из Средней Азии скифов-сколотов (рис. 36, 12-13), у хорезмийцев, но лишь до II-I вв. до н.э. (рис. 62), у сарматов, но только до I в. н.э. (рис. 84, 49). В первые века н.э. такое сочетание надежно документируется лишь у кушан (рис. 121, 34-35) и тесно связанных с ними индо-скифов (рис. 138, 27-29), а позже всего (вероятно, под кушанским влиянием) – у согдийцев (рис. 180, 37-39).

У европейских сарматов специфические сходжения с «джетыасарцами» заключаются в некоторых (названных выше) типах используемых аксессуаров, в креплении тканых поясов фибулой (правда, у сарматов очень редким), в застегивании распространенного у многих групп иранцев вертикального разреза ворота женского платья 1-5 застежками (у «асарцев» - бусинами, у сарматов – фибулами; родиной этого обычая, пожалуй, стоит признать именно Приаралье), в редко встречаемой сплошной обшивке бляшками или бусами женских головных уборов.

Специфические аналогии с costume хорезмийцев - орнамент из полос зигзагов, ромбов или ряда круглых бляшек на женском платье (рис. 62, 16-17; 135, 31-32, 34) или на головных уборах (рис. 135, 8).

С согдийским costume «джетыасарский» роднят узоры тех же форм на головных уборах (рис. 153, 7-8) и там же - узоры из крупных кругов (рис. 180, 10, 32) (правда, на «асарах» они встречены на груди платья).

Тюркизация costume «джетыасарцев» в кон. VI – VIII вв. проявилась в гораздо меньшей степени, чем у хорезмийцев и тем более – согдийцев. Она заключалась лишь в оформлении некоторых типов поясов (в формах их бляшек и пряжек).

То, что «джетыасарцы» имеют costume аналогии со всеми ближайшими и наиболее полно документированными в этом плане иранскими соседями, лишний

раз демонстрирует перечень более древних общих элементов для всех них или в других случаях для их локальных групп. Преобладание специфических костюмных аналогий именно с юэжжами и сарматами объясняется, на мой взгляд, двумя причинами. Во-первых, они закономерны, поскольку ряд сарматских группировок генетически были связаны, видимо, с Приаралем; с другой стороны, могущество юэжжей и отмеченное китайскими хрониками правление юэжжийских родов в ряде областей к северу от границ Кушанской империи повышало шансы заимствований различными способами. Во-вторых, речь идет об исторической случайности: юэжжийский и сармато-аланский костюмный комплексы – наиболее полно документированные на сегодняшний день среди комплексов иранцев соответственно в Восточной Европе и в Средней Азии, и они неизбежно дают наиболее обширный материал для сопоставления.

В целом этнически специфичными элементами костюма «джетыасарцев» представляются, прежде всего, четкое разграничение силуэта и декора соответствующих предметов мужчин и женщин, а также многие элементы декора (геометрические узоры вышивки кафтанов и груди женских платьев, свисающий сзади на кафтане выступ в форме раздвоенного «ласточкина хвоста», головные уборы с крупными бляшками в форме цветочных розеток с подвесками, декор полосками особых кожаных аппликаций). На фоне родственных ираноязычных народов кушанского, сасанидского и раннетюркского времени внешний облик «джетыасарцев» отличался заметными консерватизмом и архаизмом. Они проявились в господстве в начале средневековья форм еще ахеменидо-скифского, допарфянского и докушанского времени (полусапожек, коротких кафтанов), а также небольшой вариативностью декора отдельных предметов одежды (мест его размещения, форм бляшек и др.) и однозначным господством в тканях лишь одного (красного) цвета. Проявлениям этого консерватизма не помешали и широчайшие связи «джетыасарцев» в сфере обмена и иных форм заимствований аксессуаров костюма (различных бус, подвесок, фибул и т.п. от Китая, Индии и Бактрии до Северного Причерноморья) и значительной части тканей.

СНОСКИ

1. Это касается всех подкурганых кирпичных склепов и 85 % грунтовых могил (Левина, 1996, с. 205).

2. Так, характерные для «джетыасарцев» металлические идольчики-подвески в виде мужской фаллической фигурки (Левина, 1996, рис. 169-170), известны на территории сарматизованного (аланизированного) Боспора с рубежа III-IV вв. (Шелов, 1984, с. 244).

3. Вместе с тем даже в такой гораздо более развитой в экономическом, торговом и культурном плане древней цивилизованной стране, первой в Средней Азии начавшей выращивать хлопок, какою была Бактрия – Тохаристан, даже в VI-VII вв., судя по данным Сюаньцзана и хроники «Бэйши», хлопчатобумажные (как и шелковые) ткани носила почти исключительно знать, а простолюдины одевались в шерстные (Бичурин, 1950, с. 332; Veal, 1906, pp. 291, 296).

4. Так, соседям - хорезмийцам в холодные зимы приходилось надевать по три предмета распашной одежды – короткую куртку, длинный кафтан и шубу (Материалы..., 1939, с. 158).

5. Они, например, бытовали у таджиков Припамирья и верхнего Зеравшана, а также у соседних тюркоязычных народов (Рассудова 1970, с. 22; Сухарева 1979, с. 97).

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев П.П., 1992. Культурные связи степных народов предтюркского времени (по материалам Тепсейских и Орлатских миниатюр) // Северная Азия от древности до средневековья. Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.

Альбаум Л.И., 1960. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент.

Бичурин Н.Я. (Иакинф), 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М., Л.

Елкина А.К., Левина Л.М., 1995. Одежда, ткани и кожа из джетысарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетысарская культура. Ч. 5. М.

Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тыс. н.э. М.

Материалы..., 1939. - Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники (Под ред. С.Л. Волина и др.). М., Л.

Неразик Е.Е., 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.

Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М., 2000. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М.

Рассудова Р.Я., 1970. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXVI.

Сухарева О.А., 1979. Опыт анализа кроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М.

Щелов Д.Б., 1984. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Яценко С.А., 2004. Преемственность в костюме древних народов Среднеазиатского Междуречья (на примере Хорезма) // Transoxiana. История и культура. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия – коллеги и ученики. Ташкент.

Яценко С.А., 2006. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.

Яценко С.А., Малашев В.Ю., 2000. О полихромном стиле позднеаримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест.

Beal S., 1906. Buddhist Records of the Western Word. Vol. 1. London.